

16
М. И. Туган-Барановский
(Основные черты его научного
мировоззрения)*

Н. Д. Кондратьев

Настоящее эссе Н. Д. Кондратьева публикуется по случаю 150-летнего юбилея М. И. Туган-Барановского. Оно дает возможность оценить многостороннюю личность и работы этого исследователя, который хорошо известен читателю своими идеями о периодических экономических кризисах. Кондратьев раскрывает личность ученого, основы его мировоззрения, его способность отвечать на главные вызовы и проблемы своего времени; общие и различные черты марксизма и многое другое, что дает более полное понимание наследия Туган-Барановского. Кроме того, критика слабых сторон взглядов Туган-Барановского позволяет нам понять, где именно убеждения Кондратьева совпадали с мнением его учителя, а где – значительно отличались.

Михаил Иванович Туган-Барановский ушел от нас навсегда. Ушел выдающийся русский ученый, идейный вдохновитель русского интеллигентного общества. Ушел гуманнейший и своеобразный человек, яркий представитель высших достижений современной культуры.

Нет ничего труднее писать о нем нам – современникам и ученикам его: непосредственная боль утраты слишком сильна, а перспектива во времени слишком мала, чтобы можно было достаточно полно и объективно подвести итоги и дать оценку его блестящей и плодотворной научно-идеологической работы.

Неоспоримо, что для понимания каждого человека и его роли, как бы он ни был велик, необходимо знать с одной стороны влияние на него социальной среды, с другой – особенности и характер его личности. Вместе с тем ясно, что социальная роль и ценность человека тем выше, чем менее сводим он к влияниям окружающей среды, чем более стоит он над ней и привносит в нее свое, новое, почерпая это новое в дарованиях и силах своей личности.

* Публикуется по изданию: Кондратьев Н. Д. *М. И. Туган-Барановский (Основные черты его научного мировоззрения)*. Пг., 1923. 25 с. с максимальным учетом редакционной работы, сделанной в переиздании: Кондратьев Н. Д. *Суздальские письма* / редкол.: Яковец Ю. В. (пред.) [и др.], с. 776–798. М.: Экономика, 2004.

В личности М. И. поражала прежде всего ее богатая духовная одаренность. Но талант М. И. не горел постоянно ровным, как бы размеренным светом. Его талант – интуитивный в высшей степени, и, как таковой, он вспыхивал и блистал особенно ярким светом моментами, когда интеллектуальная работа становилась для него очень легкой, скорей игрой, чем трудом. М. И. и сам, по-видимому, сознавал последнее обстоятельство. Нам известно, как на скромном чествовании его (по поводу, если не ошибаемся, 15-летия его научной деятельности) в кружке политической экономии при Петроградском университете М. И. в своей ответной на приветствия речи заметил, что научная работа давалась ему чрезвычайно легко, без труда, доставляя величайшее интеллектуальное наслаждение. Интуитивный характер богатой одаренности М. И. кладет яркий отпечаток на все проявления его личности. Как ум интуитивный, он не имел особой склонности к выработке научной *системы*. М. И. был слишком отзывчив на запросы момента и в своем научном творчестве слишком чутко отражал изменчивые настроения и запросы жизни общественной среды. Его талант как бы «метался» по полю научного исследования и брал те проблемы, которые в данный момент имеют наиболее жгучий актуальный интерес, подвергая затем их глубокой и чисто-научной обработке.

Сказанное позволяет установить связь между характером среды, запросами эпохи, в которой жил М. И., и его научно-идеологической работой. Когда мы говорим о влиянии среды на развитие и научную деятельность личности, мы имеем в виду влияние двоякого характера: с одной стороны здесь имеется в виду непосредственное влияние окружающей социальной среды, ее интересов, ее запросов, с другой – влияние идей и учений современной личности и прошлых эпох.

М. И. жил в эпоху пышного расцвета капитализма, со всей сложностью, причудами и особенностями этого режима. Неудивительно поэтому, что именно изучение особенно своеобразных порождений капиталистического строя, – мы имеем в виду рынки и кризисы капиталистического строя, – послужили отправной точкой исследований М. И. Им он посвятил первую крупную и выдающуюся работу: «Периодические промышленные кризисы» (1894 г.). Но М. И. жил в России. Он жил в условиях развития русского капитализма, он жил в атмосфере горячих споров о судьбах и возможностях развития русского капитализма. Неудивительно, что, захваченный этим спором, М. И. вторую крупную свою работу посвятил именно этому вопросу и дал «Русскую фабрику в прошлом и настоящем» (1898 г.). Но далее запросы среды и ее актуальные интересы меняются. На сцену выдвигаются кризис в марксизме и ожесточенная борьба ревизионистов и ортодоксов. М. И., находясь до того более или менее под обаянием идей Маркса, выступает в итоге с критикой марксизма и выпускает «Теоретические основы марксизма».

Аграрные волнения 1902–1903 гг. выдвинули на сцену с небывалой остротой аграрный вопрос в России. М. И. откликается на этот уклон общественной жизни своей небольшой работой – «Земельная реформа» (1905 г.). Но основное русло его научно-идеологической работы однако лежало в ту же самую эпоху в другом. Оно лежало ближе к тем проблемам, какие он затронул в «Теоретических основах марксизма», то есть к проблемам социализма. Вопрос о социализме в начале XX века, бесспорно, принадлежал к вопросам чрезвычайно популярным. Правда, оживленная борьба народничества и марксизма, борьба ревизионистов и ортодоксов велась скорей на почве понимания общественного развития и путей к социализму. Но совершенно ясно, что тем самым выдвигалась и проблема понимания самого социализма. М. И. откликнулся на эти общественные запросы своей работой «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» (1905 г. Работа эта впрочем печаталась предварительно в виде статей в «Мире Божиим» с 1901 г.)¹ и «Современный социализм» (1906 г.).

Уже в этих работах прозвучала новая нота в воззрениях М. И. Уже в них он обнаружил глубокий интерес и уважение к идеалистическим системам т. н. социалистов-утопистов и вместе к вопросам этики. В дальнейшем этот интерес у М. И. получает более ясное и определенное выражение.

После революции 1905–[19]06 [г]г. наступают годы реакции. Соответственно в обществе пробуждаются как чисто-теоретические интересы, так и интересы к вопросам морали и религии. То же самое видим мы и у М. И. К этому времени относится его первая попытка изложить систематически свои экономические воззрения в «Основах политической экономии» (1909 г.). С другой стороны, к этому периоду относится ряд его статей по вопросам этики и общественной морали, вошедших затем в сборник «К лучшему будущему» (1912 г.). Сюда нужно отнести статьи: «Три великих этических проблемы» (нравственное мировоззрение Достоевского), «Русская интеллигенция и социализм» (по поводу сборника «Вехи»), «Кант и Маркс» (по поводу сборника статей Ферлендера о Канте и Марксе) и др.

Одновременно видное место в русской общественной жизни приобретает кооперация. М. И. относится к ней с величайшим интересом и вниманием. Он не только исследует ее теоретически, но и связывает факт развития кооперативного движения с проблемой поисков общественного идеала. В результате работы М. И. над вопросами кооперации появляются

¹ Например: Значение экономии, фактора в истории («Мир Божий» 1894 г.); Экономический фактор и идеи, *ibid.*, 1896; Психические факторы общественного развития, *ibid.*, 1904; Борьба классов, как главнейшее содержание истории, *ibid.*, 1904; Крушение капиталистического строя, как научная проблема («Новый Путь», 1904) и др.

его «Социальные основы кооперации» (1914 г.), «В поисках нового мира» (1913 г.) и ряд статей по кооперации.

Война выдвинула целый ряд теоретических и практических проблем. В частности, первый период войны особенно обострил проблему денег, точнее – бумажных денег. Со свойственной ему чуткостью М. И. берет за этот вопрос и дает «Бумажные деньги и металл» (1917 г.). Однако общество и вместе М. И. не перестают интересоваться и проблемами этики, проблемами общественного идеала. Наступившая революция лишь обострила этот интерес. И последним словом М. И., как ученого и идеолога, была его работа «Социализм, как положительное учение» (1917 г.) и статья «О кооперативном идеале».

Итак, между направлением научно-идеологической деятельности М. И. и содержанием запросов, интересов среды существует тесная связь и соответствие. В этом смысле М. И. был чутким сыном своего времени.

* * *

По ходу изложения нужно было бы теперь обратиться к анализу научно-идейных влияний, испытанных М. И., и вскрыть генезис его воззрений на те вопросы, которые его тревожили и круг которых был очерчен только что. Однако в интересах экономии места и ясности изложения это удобнее сделать при последующем более или менее систематическом изложении основных положений социально-экономических воззрений М. И.²

Наука, – полагает М. И., – имеет две задачи – **описание** явлений и **объяснение** их³. Описание явлений – это лишь первая ступень научного познания, и она завершается образованием системы научных понятий. Но как можно описать окружающий мир, если он бесконечно (экстенсивно и интенсивно) многообразен? Очевидно, что это бесконечное многообразие мира можно преодолеть только путем отбора важных для познания признаков явлений. Но отбор этот предполагает критерий отбора. Поскольку мы находимся в круге необщественных наук, таким критерием для теоретических наук служит **богатство научных выводов**, которые можно получить, сосредотачивая внимание на тех или иных признаках явлений; для практических необщественных же наук критерием служит тот всегда бесспорный *практический интерес* (например, нормальное состояние организма в медицине, технический эффект – в прикладной физике), которому призваны служить данные науки. Труднее обстоит дело в общественных науках и, в частности, в экономике. Здесь даже в теоретической области трудно произвести отбор важных признаков явлений и образовать научное понятие, не договорившись о критерии отбора, ибо эта область наук

² Мы имеем в виду попытаться дать именно систематическое, а не генетическое изложение этих положений.

³ См. «Основы политической экономии», изд. 5, гл. II.

тесно связана с живыми и разнообразнейшими интересами общественных групп. Так, например, с точки зрения рабочего класса, заработная плата является очень важной и самостоятельной категорией явлений, а с точки зрения предпринимателя заработная плата является просто составной частью категории издержек производства. Но в таком случае возможна ли даже единая общезначимая экономическая и вообще социальная наука? Да, возможна, ибо в основу ее можно и должно положить общезначимый критерий отбора признаков явлений, – критерий, получаемый нами от нашего морального сознания и формулированный Кантом. Таким критерием является идея **верховой ценности человеческой личности**. Таким образом, в самое основание социальной науки М. И. кладет определенную этическую идею, в самом исходном методологическом положении он устанавливает связь «чистого» и «практического разума», отдавая примат второму.

Нетрудно видеть, что в этой части своих теоретико-познавательных и методологических воззрений М. И., приближаясь к построениям русской социалистической школы Лаврова и Михайловского с их субъективным методом, определенно находится под влиянием школы Виндельбанда – Риккерта, отличаясь однако от нее тем, что, во-первых, он распространяет принцип телеологического образования понятий на все науки, во вторых, – тем, что высшим критерием образования понятий в общественных науках он считает не риккертовское отнесение явлений и их признаков к культурным ценностям, а кантовскую идею ценности человеческой личности. Отсюда ясно, что эти воззрения М. И. с научной точки зрения вызывают всю ту сумму и даже больше возражений, какие вызываются построениями школы Виндельбанда – Риккерта. Ни стремление распространить принцип телеологического образования понятий на все науки, ни попытку положить в основание конструирования в частности социально-экономических наук, еще более шаткую этическую, практическую идею нельзя признать у М. И. научно-обоснованными.

Вторая ступень знания – это объяснение явлений, то есть в конечном счете сведение явлений к причинно-функциональным зависимостям и законам. В области объяснения явлений, – полагает М. И., – уже никакое привнесение этики и вообще субъективизм недопустимы. Здесь нужно опираться объективно на методы индукции и дедукции. В общественных науках применяется тот и другой метод, и в большой мере – метод дедукции. В частности, политическая экономия опирается преимущественно на этот метод.

Таковы в самых кратких и общих чертах исходные методологические воззрения М. И. Посмотрим теперь на построения его в области самой социально-экономической науки.

М. И. рассматривает общество и общественную жизнь как явление *sui generis*, как явление, подлежащее изучению особого цикла наук обще-

ственных. Во главе их стоит наиболее общая из этих наук – социология. И хотя М. И. думал, что эта наука находится лишь в муках родов и, собственно, пока еще не существует⁴, тем не менее он сам имел некоторые социологические воззрения, которые необходимо вкратце охарактеризовать.

Социологические воззрения М. И. развились на базе построений Маркса и материалистического понимания истории. Но воззрения М. И. подверглись ряду воздействий иных социологических идей, и в более или менее законченном виде они глубоко отличались от взглядов Маркса. По мнению М. И., «общество слагается из отдельных личностей, каждая из которых стремится к удовлетворению своих потребностей», «которые заложены в нашей природе и которые определяют в конце концов все наше поведение»⁵. Потребности эти делятся на следующие основные группы: 1) физиологические потребности в непосредственном поддержании жизни индивидуума, 2) половые потребности, 3) симпатические инстинкты и потребности, 4) эгоальтруистические потребности, 5) потребности, не основанные на практическом интересе⁶. Эти потребности, эти влечения являются движущими силами общественного развития. Потребности толкают человека на путь искания средств и удовлетворения их. «Совокупность человеческих действий, направленных на внешний мир и имеющих целью создание материальной обстановки, необходимой для удовлетворения человеческих потребностей», является хозяйством. И уже в силу того, что именно благодаря хозяйству **создается необходимая материальная обстановка удовлетворения всех** потребностей, хозяйство занимает как бы центральное положение в общественной жизни и служит базой, основой ее. Кроме того и вместе с тем хозяйственная деятельность является важнейшим занятием большинства населения, и это сообщает хозяйству характер социального преобладания и в свою очередь кладет определенную печать на все содержание общественно-культурной жизни.

Хозяйству принадлежит в общественной жизни и ее развитии примат⁷. Однако в конечном счете не все хозяйство, а его материальные факторы имеют определяющее (но не исключительное) влияние на уклад и формы общественной жизни, на степень и характер удовлетворения потребностей. Дело в том, что хозяйство имеет как бы две стороны, два полюса: человека и природу. Хозяйствуя, человек воздействует на природу, изменяет ее (материальная сторона хозяйства) и одновременно изменяется сам (социальная сторона хозяйства). Благодаря этому своему характеру хозяйство как бы связывает общество с природой. Природа влияет на общество или непосредственно (изменение тела и духа человека)⁸, или

⁴ См. «Основы политической экономии», стр. 2.

⁵ См. «Теоретические основы марксизма», изд. 4, стр. 36.

⁶ Ibid.: Гл. III.

⁷ Ibid.: Гл. IV.

⁸ Ibid.: 82.

и преимущественно посредственно, через хозяйство, определяя цели и условия деятельности человека. Эта особенность хозяйства, этот устойчивый материальный момент в нем и является определяющим, преобладающим фактором общественной жизни. Итак, М. И. стоит в общем на базе марксова понимания общества⁹. Он лишь шире понимает задачи хозяйства (хозяйство, по мнению М. И., служит удовлетворению не только материальных потребностей, к каковой мысли склонялся Маркс и особенно Энгельс) и заменяет марксово понятие производительных сил понятием материальных факторов хозяйства. Но в воззрениях М. И. уже появились и новые, отличные от марксизма мотивы, которые он выдвигает все с большей и большей яркостью на первый план. Он определенно и более сильно подчеркивает роль психических факторов общественной жизни, роль различных потребностей, как сил, влияющих на направление деятельности и в том числе хозяйственной деятельности человека. Вместе с тем, – и это особенно важно, – он определенно подчеркивает, что роль стихийных материально-хозяйственных факторов в процессе общественного развития падает, что власть человека над природой возрастает и увеличивается роль общественного сознания. В этих наслоениях и поправках нельзя не видеть отголосок социологических учений Фулье, Уорда, Тонниеса и др.

М. И. полагает, далее, что в общественной жизни человеческая личность со всеми ее потребностями и вырастающими на почве их интересами в стремлении и удовлетворении этих потребностей выступает не одиноко: общество распадается на различные более или менее однородные группы. Материалистическое понимание истории учит, что в основе всякой общественной борьбы, в основе всяких интересов, в какой бы форме и в каких бы видах они ни выступали, лежит борьба классовых интересов, каковая в свою очередь является простым отражением в массовом человеческом сознании столкновения старых и новых способов хозяйства. М. И. отвергает такое расширительное толкование идеи классовой борьбы. Под социализмом классом он понимает **«общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других и, вследствие этого, имеет общих антагонистов и общие экономические интересы в процессе общественного хозяйства»**¹⁰. Класс, следовательно, конституируется как группа, объединенная общностью экономических интересов. Но именно поэтому классовая борьба и не покрывает собой всей совокупности общественных отношений. Общественные отношения прежде всего не есть только борьба общественных групп: этого мы часто не наблюдаем в сфе-

⁹ См. «Теоретические основы марксизма», изд. 4, стр. 107–108.

¹⁰ См. «Теоретические основы марксизма», стр. 91 и сл., см. «Основы политической экономии», 355.

рах высшей духовной жизни общества. Поскольку же общественная жизнь есть действительно борьба социальных групп, – борьба эта, во-вторых, ведется отнюдь не только во имя хозяйственных интересов, и потому классовая борьба не объясняет нам даже всех явлений общественной борьбы. Классовая группировка является лишь важнейшей группировкой новейшего времени, и классовая борьба есть лишь вид наиболее настоятельной и непримиримой общественной борьбы.

Таковы в самых основных чертах социологические воззрения М. И. Как видно из предыдущего, они не отличаются ни особой оригинальностью, ни достаточной ясностью и точностью. Мы не находим достаточно строгого выяснения ни структуры общества, ни понятия фактора, ни понятия преобладающего фактора. На социологических построениях М. И., несмотря на введенные им изменения, все же лежит печать примитивности марксистских социологических теорий.

Но М. И. относительно мало и занимался вопросами социологии. И не в них лежит центр тяжести и значение научно-идеологической работы М. И. Основная часть его работы лежит в исследовании хозяйства – этого центрального, по его мнению, явления общественной жизни. Мы уже знаем, что понимает М. И. под хозяйством. Остановимся теперь на его понимании основных категорий хозяйственной жизни.

Логическими категориями хозяйства М. И. считает **ценность и стоимость**. М. И. жил в эпоху обостренной борьбы теории ценности австрийской школы и теории трудовой ценности. Он попытался дать синтетическую теорию ценности и сочетать теорию Рикардо с теорией предельной полезности. Труд и предельную полезность он рассматривает как объективный и субъективный факторы ценности. Он принимает, что ценность блага равна его предельной полезности. Но, по его мнению, предельная полезность благ зависит от трудовых затрат на это благо, она прямо пропорциональна трудовой стоимости благ.

Это приводит нас к категории стоимости. Большинство экономистов не признает стоимости как самостоятельной категории. Наоборот, М. И. решительно настаивает на необходимости такого признания¹¹. Ценность для него – одна, а стоимость – другая сторона хозяйства. Хозяйство, с одной стороны, преследует известную цель, интерес, выгоду, и этой стороне его соответствует категория ценности; с другой стороны, хозяйство прибегает к известным средствам, затратам, усилиям, и этой стороне его соответствует категория стоимости. Поэтому под стоимостью М. И. понимает хозяйственную затрату, совершенную ради приобретения того или иного хозяйственного предмета. М. И. различает стоимость абсолютную и относительную. Абсолютная стоимость, – а именно о ней идет речь как о самостоятельной логической категории хозяйства, – есть иначе трудовая

¹¹ См. «Основы», стр. 54 и сл.

стоимость, есть затрата человеческого труда. Трудовая стоимость абсолютна, ибо она означает затрату труда человека, затрату человеческой личности, как единственно-активного деятеля хозяйства. Это последнее признание базируется у М. И. на идее абсолютной ценности человеческой личности. Здесь политическая экономия при установлении своих понятий, очевидно, опирается, как отмечалось уже и выше, на этику и притом на этику «категорического императива».

Из сказанного ясно, что если хозяйственные блага имеют ценность, то далеко не все они имеют стоимость. Ясно также и то, что установленная М. И. синтетическая формула ценности не имеет общего значения и, во всяком случае, простирается только на те хозяйственные блага, которые имеют стоимость.

М. И., как это ясно, решительно не принимает теорию ценности Маркса. Он упрекает Маркса в том, что он вместо теории ценности развил, собственно, теорию последней категории, пришел к непримиримым противоречиям с действительностью. Привлекательным и правильным в теории ценности Маркса кажется М. И. лишь ее социальное содержание, тот яркий свет, который она бросала на капиталистические отношения эксплуатации. И М. И. казалось, что, отбрасывая Марксову теорию как теорию ценности, но беря ее как теорию стоимости и одновременно вводя самостоятельную категорию стоимости, он выходит из противоречия с действительностью и в то же время сохраняет все верное социальное содержание теории Маркса¹². Отсюда становится ясным и тот эвристический мотив, который руководил М. И. при введении категории абсолютной трудовой стоимости.

То же стремление, сохраняя социальное содержание построений Маркса, согласовать их с данными науки и опыта, находим мы у М. И. и при конструировании исторических категорий хозяйства.

Историческими категориями хозяйства М. И. считает **товар и меновую ценность** для режима товарного строя народного хозяйства, а для капиталистического строя, который служит завершением товарного, сверх того еще **капитал и прибавочную ценность**.

В конструировании понятий товара и капитала М. И. целиком стоит на почве учений Маркса. Принимает он и развитое Марксом в ряде увлекательных страниц «Капитала» учение о **фетишизме товарного производства**, существо которого сводится к видимости, что товары, мертвые вещи, управляют общественными отношениями людей. М. И. с неменьшим подъемом стремился однако развить далее учение о фетишизме, выдвигая понятие **фетишизма капиталистического хозяйства**, в силу которого самые люди превращаются как бы в вещи¹³.

¹² См. «Основы», стр. 72 и сл., «Теорет[ические] основы марксизма», соотв. гл.

¹³ См. «Периодические промышл[енные] кризисы», изд. 3, стр. 230 и сл.

Если в понятиях товара и капитала М. И. стоит на почве учения Маркса, то совершенно ясно, что, выдвинув свою теорию ценности, он должен был дать уже иное истолкование понятию меновой ценности и прибавочной ценности, чем это делал Маркс. С его точки зрения меновая ценность является не отношением трудовых ценностей обмениваемых товаров, а просто абстрактной возможностью получить в обмен на данный товар известное количество других товаров, абстрактной возможностью, конкретным и непосредственным выражением которой (чего не было у Маркса) служит цена. Таким образом уничтожается пропасть между ценностью, в частности, меновой ценностью и ценой, – пропасть, в которой разбилась теория Маркса. В связи с этим, и прибавочная ценность представляется М. И. не частью ценности (как кристаллизованного в товарах общественно-необходимого труда), присваиваемой капиталистом, а ценностью прибавочного продукта, присваиваемого капиталистом¹⁴. Понятие прибавочная ценность, как показателя капиталистического отношения, как выразителя общественного отношения эксплуатации, сохраняется. Природа же ее сводится к тому, что при капитализме известная категория людей вынуждена уступать собственникам капитала часть созданного ее трудами продукта, который имеет, конечно, определенную ценность. Иначе говоря, основа проблемы переносится из области **категории ценности** в область **категории абсолютной стоимости**. И с точки зрения М. И. правильнее было бы говорить не столько о прибавочной ценности, сколько о прибавочном продукте, имеющем, конечно, ту или иную ценность¹⁵. Это положение станет для нас вполне очевидным, когда мы обратимся к проблеме распределения национального дохода по воззрениям М. И., к которой нас и приводит учение о прибавочной ценности.

Над проблемой распределения М. И. потрудился немало, и здесь он выставил ряд оригинальных положений. Прежде всего он методологически пытался вскрыть специфическую природу проблемы распределения и пришел к таким выводам. Распределение **не есть процесс** наряду с производством и обменом. В общественном хозяйстве не происходит какого-то особого процесса дележа. Поэтому и проблема распределения есть проблема того же производства и обмена, но лишь рассматриваемых с особой точки зрения. А именно учение о распределении рассматривает экономическую действительность с точки зрения образования и размера доходов трех основных классов капиталистического общества, то есть наемных рабочих (заработная плата), капиталистов (прибыль) и землевладельцев (поземельная рента). Речь идет лишь о доходах трех, а не всех классов общества, в силу того, что именно эти три класса предполагаются самым существованием капиталистического строя, именно их доходы стоят меж-

¹⁴ См. «Основы», стр. 68 и сл., «Теорет[ические] основы марксизма», гл. VII и VIII.

¹⁵ См. «Основы», отд. IV, гл. VII.

ду собой в тесной связи зависимости¹⁶. Такова методологическая природа проблемы распределения.

Что такое общественный класс, мы уже видели выше, и теперь лишь более яркий свет проливается на данное выше определение его, становится яснее глубокая связь проблемы общественного класса и проблемы распределения.

Самые доходы М. И. делит на трудовые (заработная плата) и нетрудовые, т. е. возникающие в результате присвоения прибавочного продукта (прибыль и земельная рента). В области учения о ренте М. И. стоит всецело, с очень незначительными оговорками, на точке зрения теории дифференциальной ренты Рикардо – Тюнена. В отношении же заработной платы и прибыли он выдвинул свою особую социальную теорию распределения. Согласно этой теории, проблема распределения независима от какой-либо теории ценности: решение проблемы распределения невозможно вывести из какой-либо теории ценности. Распределяется чистый национальный продукт или доход¹⁷, т. е. весь общественный продукт, за вычетом затраченных в процессе производства средств производства. И поскольку речь идет о заработной плате и прибыли, – уровень их определяется, во-первых, производительностью общественного труда, во-вторых, социальной силой класса рабочих и капиталистов. Отсюда ясно, чем более производительен общественный труд, чем более идет вперед технический прогресс, тем выше *ceteris paribus*, прибыль и заработная плата. Единственным творческим агентом экономической жизни М. И. считает, в силу известных уже нам оснований, только человека. Но капитал в виде орудий и средств производства, благодаря усовершенствованию последних, служит фактором повышения производительности труда, следствием чего в свою очередь является повышение национального дохода. Исходя отсюда, а также из ряда соображений¹⁸, М. И. отвергает плодотворность идеи Маркса о разделении капитала на постоянный и переменный. Отверг он и учение Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению. Норма прибыли, по мнению М. И., находится под воздействием ряда факторов; одни из них вызывают тенденцию ее к повышению, другие – к понижению. Поэтому общей тенденции нормы прибыли в процессе развития установить нельзя¹⁹.

Не трудно видеть, что в теории распределения М. И. особенно рельефно выступает натуралистический мотив взамен ценностного, признаки чего мы уже видели, говоря о понятии прибавочной ценности как прибавочного продукта. Вместе с тем, обнаруживается связь учения М. И. с теориями производительности в решении проблемы распределения²⁰.

¹⁶ См. «Основы», 369 и сл. См. «Soziale Theorie der Verteilung», 1913 г.

¹⁷ «Основы», 392, 467 и др. См. «Soziale Theorie der Verteilung».

¹⁸ «Теорет[ические] основы марксизма», гл. VII.

¹⁹ См.: *Ibid.*, гл. VII. «Основы», стр. 469 и сл.

²⁰ См. «Основы», отд. IV, гл. III и VII.

Действительно, концепция М. И. о происхождении и возможности прибыли – чисто натуралистическая²¹. По его мнению, как мы видели, проблема распределения решается вне зависимости от теории ценности. Нужно просто известное умножение общественного **продукта**, нужен известный прибавочный **продукт**, чтобы стала возможной прибыль. И если М. И. тем не менее остается сторонником теории эксплуатации, то лишь в силу того, что на основании его исходной этической идеи он рассматривает всякий продукт, в том числе и прибавочный, как продукт труда, хотя и не только физического труда.

Но, представляя значительный научный интерес и отличаясь простотой и убедительностью, теория М. И. оставляет однако нерешенным и невыясненным вопрос о взаимоотношении натуралистического подхода к проблеме распределения и ценностной точкой зрения на распределение. Между тем проблема эта далеко не так проста и очевидна, чтобы оставлять ее без освещения. В частности, остается нерешенным, несмотря на все попытки М. И. опровергнуть своих критиков²², вопрос о том, – натуральный прирост общественного продукта через присоединение к нему прибавочного продукта означает ли одновременно возрастание ценности общественного продукта? И другой вопрос: почему невозможна прибыль (с ценностной точки зрения) даже без прибавочного продукта, а в силу одних лишь социально-экономических факторов?

М. И. рассматривает проблему распределения, как проблему *sui generis* капиталистического строя. Он отказался свести ее, как многие делают, к проблеме обмена. В области же обмена он подверг анализу одно из самых сложнейших и загадочных явлений товарно-капиталистического народного хозяйства – деньги²³. Он пришел к выводу, что ни одна из существующих теорий денег, ни названная им товарной теорией денег Тука, ни количественная теория, полнее всего развитая Ирвингом Фишером, не дает удовлетворительного разрешения проблемы денег.

И тем не менее есть элемент истины в той и другой теории. Деньги – явление всецело социальное, результат стихийных народно-хозяйственных процессов. Количество денег – фактор относительно второстепенный. И количественная теория могла бы найти свое применение почти исключительно в сфере бумажного обращения. В отношении к этой ограниченной сфере обращения она и имеет в себе элемент истины. Что же касается основы денежного обращения – металлических денег, – то объяснение проблемы ценности денег нужно искать на стороне товарного рынка, и в этом прав был Тук. Однако ценность денег, вопреки Туку, представляется не функцией цен отдельных товаров, а функцией состояния общей экономической конъюнктуры и ее циклических колебаний. Это – основ-

²¹ См. «Теоретические [основы марксизма]», гл. VII, «Основы», отд. IV, гл. VII.

²² См. «Основы», стр. 451. См. Петр Струве, «Хозяйство и цена». Ч. II, вып. I, стр. 15 и сл.

²³ См. «Бумажные деньги и металл». Петроград, 1917 г.

ной тезис теории денег М. И., – теории, которую он назвал конъюнктурной. Но выставив этот в высшей степени оригинальный тезис, М. И., к сожалению, не дал последовательного развития и обоснования его, не вскрыл механизма связи между колебаниями конъюнктуры и ценностью денег.

Впрочем, до некоторой степени этот пробел восполняют более ранние и, несомненно, выдающиеся по своему научному значению исследования его теории конъюнктуры: мы разумеем его теорию рынков и кризисов. Нет сомнения, что эти более ранние исследования и дали ему исходную точку зрения для его конъюнктурной теории денег.

Рынок при капиталистическом строе представляется как бы центральным узлом, где переплетаются сложные нити экономических отношений и стихийно подводятся итоги экономической деятельности. Характерной чертой капитализма служит то, что он порождает тенденцию к преобладанию предложения над спросом, откуда вырастает погоня за рынками, борьба за них. Найти рынки для товаров, реализовать товары – это сложная задача капиталистического предприятия. Уяснить природу этих затруднений, механику рыночных отношений и пути, какими капитализм выходит из упомянутых затруднений, – это задача экономической теории.

М. И. подходит к проблеме рынка, прежде всего пользуясь методом схематического рассмотрения народного хозяйства как целого, – методом, начатки которого можно видеть уже у Кенэ и дальнейшее развитие у Маркса²⁴. И такое схематическое рассмотрение приводит его к ряду следующих оригинальных выводов. Размеры рынка капиталистического хозяйства не определяются размерами общественного потребления, ибо общественный продукт состоит не только из предметов потребления, но также из средств производства. Поэтому при пропорциональном распределении производства никакое сокращение потребительного спроса не в состоянии вызвать превышения общего предложения над спросом, и нет никаких препятствий для победного развития капитализма. Иначе говоря, размеры рынка при пропорциональном распределении производства определяются размерами самого производства. И ясно, что никогда не может быть **действительного** общего перепроизводства товаров; возможно лишь частичное перепроизводство их.

Эти парадоксальные выводы он пытается далее обосновать и разъяснить аналитически из рассмотрения природы капитализма.

Капитализм – антагонистическая система народного хозяйства. И если при товарном строе хозяйства товар как бы одухотворяется, становится повелителем человека, в чем и состоит фетишизм товарного хозяйства, то капитализм делает самого человека вещью. На этой почве и создается упомянутый парадокс капиталистического строя. Не потребление управ-

²⁴ См. «Период[ические] пром[ышленные] кризисы», ч. II, глава IV.

ляет производством, а производство определяет собой потребление, не производство ради потребления, а производство ради производства, ради наибольшей прибыли, не капитал для человека, а человек для капитала. Отсюда, упомянутый выше, фетишизм капиталистического строя хозяйства.

Итак, если капитализм в состоянии организовать более или менее пропорциональное распределение производства, то он может разрешить и проблему рынка и может развернуть скрытые в нем производительные потенции. Однако капитализм с огромным трудом находит это состояние пропорционального распределения производства. Он находится как бы в неустойчивом равновесии, и его периодически поражают кризисы, – специфическое явление развитого капиталистического строя. Почему же? Где причины кризисов и как причины эти можно формулировать? Ответ на эти вопросы М. И. пытался дать в своей теории кризисов²⁵, которая базируется на его теории рынков. Капитализм, разбудив общественно-экономическую инициативу и создав возможность получения и увеличения прибыли, породил сильнейшую мотивацию для развития предпринимательской деятельности. Отсюда и проистекает одержимость капиталистического строя стремлением к расширению и развитию производства ради прибыли, отсюда быстрый темп развития производительных сил и постоянное давление предложения на спрос. Но капитализм – строй неорганизованный, в основе своей стихийный. Отсюда его поиски и порой бессилие разрешить проблему пропорционального распределения производства, то есть проблему рынка, отсюда необходимость кризисов. Отсутствие пропорционального распределения производства как эластическая повязка давит на устремления капиталистических сил к их развертыванию, вызывая моментами их острое потрясение. Это потрясение переживается как кризис, как состояние общего перепроизводства, выражающееся в общем падении цен, понижении нормы прибыли, увеличении числа банкротств, сокращении производства и т. д. Интенсивность этого потрясения усиливается еще благодаря кредиту, который в капиталистическом строе получил особенно широкое развитие. Выше однако было указано, что фактически общее перепроизводство невозможно, – возможно лишь частичное перепроизводство товаров. Но в силу связности одних товаров и товарных цен с другими это частичное перепроизводство имеет тенденцию передаваться на другие товары и получать характер как бы общего перепроизводства, ибо рынок начинает переживать частичное перепроизводство, как общее падение цен, как общее превышение предложения над денежным спросом. Сказанное вскрывает органические причины и общий характер необходимости кризисов. Но кризисы повторяются периодически, и ход экономической конъюнктуры дает картину очень правильно-

²⁵ См.: Ibid., гл. V–VI.

го ритма трех фазисов – подъема, кризиса и депрессии. Чтобы уяснить кризисы до конца, необходимо указать причины этого ритма, причины периодичности кризисов.

Всматриваясь в колебание конъюнктуры и цен на отдельные товары, легко видеть, что в особо строгом соответствии с общим движением конъюнктуры находятся цены на железо, то есть на основной вид сырья, идущего на создание новых средств производства, нового основного капитала. И понятно почему. Фазис подъема – это период прежде всего грюндерства, период строительства новых предприятий, новых железных дорог. Поэтому взрыв грюндерства дает прежде и рельефнее всего повышение цен именно на железо. Но грюндерство и оживление в основных отраслях производства вызывают оживление и в других отраслях народного хозяйства. Наступает общий подъем. Почему же этот подъем наступает периодически и заканчивается обязательно кризисом? Чтобы начался подъем и грюндерство, нужно скопление свободных капиталов. Капитал накапливается не только в промышленности. Есть немало таких общественных групп, доходы которых стоят вне зависимости от колебаний промышленно-капиталистической конъюнктуры: это получатели земельной ренты, держатели государственных бумаг, чиновники, пенсионеры. В период застоя большими и небольшими долями здесь накапливаются значительные капиталы, которые помещаются обычно в банки и которые, накопившись в достаточном размере, как пар в паровой машине приводит в движение поршень, приводят в движение и промышленность, вызывают подъем ее, – прежде всего в основных отраслях. Но чем далее идет подъем, тем более исчерпывается свободный капитал. Повышается дисконтный процент. Прекращается повышательное движение биржевых курсов, раздражается иногда биржевой кризис, начинает давать трещины кредит, возникает паника, возникает общий кризис. Вот почему подъем неизбежно кончается крахом, за которым затем следует период депрессии. Тогда начинается прежняя работа по накоплению капитала, тогда начинают зарождаться признаки нового экономического подъема и цикл движения конъюнктуры повторяется.

Теория рынков и, в особенности, теория кризисов, развитая М. И., настолько оригинально и глубоко ставила и решала проблему, настолько ярко вскрывала природу капиталистического народного хозяйства в его целом и настолько в общем подтверждалась действительностью, что по справедливости доставила ему мировую известность, создала в этом вопросе целую школу, к которой с теми или иными оговорками примкнули столь видные экономисты западных стран, как Шпитгоф, Эйленбург, Поле, Шмоллер, Лескюр²⁶ и др. Она породила целую литературу за и против

²⁶ См. Жан Лескюр, «Общие периодические промышленные кризисы». СПб., 1908, стр. 435 и passim.

нее. Даже и противники ее, как В. Зомбарт, признали ее «чрезвычайным шагом вперед и, без сомнения, высшей формой теорий кризисов»²⁷. Это не значит, конечно, что теория М. И. не вызывает никаких возражений и не требует усовершенствования. Наоборот, ее слабые стороны столь же бросаются в глаза, как бесспорно и ее огромное значение в экономической науке. В частности, спорным является одно из самых основных положений теории кризисов М. И., – это учение о накоплении какого-то свободного, непомещенного капитала: как будто такой капитал когда-либо бывает? Затем, теория рынков и кризисов М. И. предполагает замкнутое чисто капиталистическое народное хозяйство. Действительность гораздо сложнее. Очевидно, что здесь открывается путь и возникает необходимость для дальнейшего усовершенствования и усложнения теории.

Изучая ее, нетрудно видеть, что она сложилась под воздействием перекрещивающихся идей и прежде всего под воздействием теории Сэ – Рикардо, а также соответствующих учений Маркса – Энгельса. Но нет никакого сомнения, что основное значение для ее создания имел творческий талант ее автора, оплодотворенный внимательным изучением капиталистической действительности и прежде всего истории английских кризисов.

Выдвигая свою теорию рынков и кризисов, М. И. решительно порывал с прежними учениями, которые в большей или меньшей степени видели причины кризисов в несоответствии производства и потребления. Вместе с тем теория М. И. бросала новый свет на проблему развития и будущего капитализма.

Школа Маркса – Энгельса, к которой был во многом близок и от учений которой так часто отпирывался М. И., как известно, учит о неизбежном крахе капиталистического строя. В основе этого учения лежали два основных тезиса: 1) это, во-первых, учение о нарастающем хроническом недостатке рынка и, следовательно, о нарастающих непреодолимых для капиталистического строя препятствиях к развитию производительных сил и, во-вторых, учение о падении нормы прибыли по мере развития капитализма, учение о нарастающей хилости этого режима. М. И., как мы видели, отверг оба эти тезиса. И вследствие этого он должен был признать, что «капитализм никогда не умрет естественной смертью»²⁸, что он внутренне способен к непрерывному развитию. Правда, его будут потрясать кризисы. Но эти кризисы – не симптом приближающейся смерти, а лишь острое болезненное средство корректировать путь развития капитализма.

Как же представляется М. И. развитие капиталистического строя и какие сферы жизни захватывает капитализм в своем развитии? Вопросу

²⁷ См. «Schriften des Vereins für Socialpolitik». Т. 113. «Verhandlungen der Generalversammlung im Hamburg». 1904.

²⁸ «Теоретические основы марксизма», 195.

о развитии капитализма М. И. посвятил одну из самых лучших и ценных своих работ, мы говорим о «Русской фабрике».

Русская крупная промышленность²⁹ и промышленный капитализм вырастают в специфических условиях. Они вырастают на базе относительно развитого уже и крупного торгового капитала и при деятельной поддержке и зависимости от правительства начиная с Петра I. Зависимость от правительства падает лишь с начала XIX в. Крупная промышленность дореформенного времени – это преимущественно вотчинная и посессионная мануфактура, опирающаяся на несвободный труд, живущая в атмосфере напряженной борьбы дворянства и нарождающейся буржуазии. Дореформенная мануфактурная крупная промышленность не только не вытесняет кустаря, но часто порождает его, иногда вытесняется им. Уже во второй четверти первой половины XIX в. вотчинно-посессионная мануфактура-фабрика разлагается, посессионные рабочие в массе отпускаются на свободу. Падение крепостного права делает весь наемный труд свободным. Одновременно технический прогресс и расширение рынков дают более прочную базу для развития современной фабрики с ее механическими двигателями и массовым производством. Фабрика начинает быстро оттеснять кустаря и занимать все более и более господствующее положение. Но было бы ошибочно думать, что фабрика наносит быстрый и полный смертельный удар кустарю. Нет, отношения их более сложны. Фабрика частью вытесняет его, частью модифицирует кустарное хозяйство, раздробляя его, частью порождает даже новые кустарные промыслы. Вот почему капитализм при всем своем победном шествии не в состоянии захватить быстро и исчерпывающе все отрасли промышленности. Однако все же русская фабрика победно идет вперед, вплетая Россию все более и более в сеть мирового хозяйства.

Но исследование М. И. о развитии капитализма ценно не только как исследование о развитии капитализма в России, со всеми его специфическими особенностями, но и как исследование о развитии капитализма вообще. И это исследование приводит к тому заключению, что на определенной ступени исторического развития, по мере того как совершенствуется техника и создаются более свободные правовые условия, по мере того как растет экономическая свобода и конкуренция, по мере того как увеличивается внутренний и внешний рынок и более живыми становятся торговые связи, в стране образуются капиталистические отношения, растет капитализм; рост его в свою очередь ускоряет технический и правовой прогресс общества.

Но не только в силу создающихся условий внутреннего развития идет рост капитализма в стране. Нет. Благодаря тому, что более молодые и менее капиталистические страны дают возможность получения более высо-

²⁹ См. «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Т. I, изд. 3.

кой нормы прибыли, происходит международное передвижение капитала, происходит иммиграция капитала из развитых стран в страны молодой культуры и тем самым форсируется экстенсивно-пространственный рост капитализма³⁰.

И однако капитализм в своем победном шествии не в состоянии овладеть всем народным хозяйством. Уже исследование «о Русской фабрике» привело М. И. к тому выводу, что, поскольку фабрика обречена на длительное сосуществование, и на Западе даже более, чем в России, с кустарем, поскольку далеко не всю кустарную промышленность можно считать капиталистической, постольку капитализм не в состоянии овладеть даже сферой промышленности³¹.

Еще менее у него возможности овладеть сельским хозяйством. Здесь в силу целого ряда специфических (и, нужно думать, хорошо известных) условий мелкое трудовое хозяйство оказывается даже более живучим, чем крупно-капиталистическое³². Правда, мелкое крестьянское хозяйство находится обычно в тяжелых условиях, особенно в России. На этой почве возникает сложный аграрный вопрос, вопрос об улучшении условий существования мелкого крестьянского хозяйства. Но это означает только одно: нужно разрешить аграрный вопрос. На Западе и в России он носит различное содержание. Если в передовых странах замечается опустение деревни и бегство в города, то в России наоборот, замечается рост земельной тесноты и аграрный вопрос есть прежде всего земельный вопрос³³. Признавая жизненность трудового сельского хозяйства, М. И. высказывается определенно за разрешение аграрного вопроса в России в интересах этого хозяйства. Он высказывается за национализацию земли путем принудительного выкупа земли (сверх известной нормы, ему казалось, в среднем, сверх 50 десятин), за образование национального земельного фонда и за передачу земли ч[е]рез посредство местных земельных комиссий в соответствии с нуждой малоземельному населению на началах вечно-наследственного арендного пользования; в связи с этим он высказывается за ряд других мер: переселение, регулирование земельного оборота и т. д.³⁴

Итак, капитализм не овладел и не может овладеть всем строем народного хозяйства. Но все же капитализм является центральным и наиболее ярким и мощным явлением современного народного хозяйства. В отношении развития производительных сил, в отношении развития материальной, экономической и духовной культуры общества он явился прогрессивным фактором по сравнению с другими, более отсталыми форма-

³⁰ См. «Социализм как положительное учение», 112 и сл. «Основы», отд. II, гл. IV и V.

³¹ См. «Основы», стр. 514.

³² «Основы», отд. II, гл. VII.

³³ См. «Земельная реформа». 1905 год.

³⁴ Ibid.

ми хозяйства. Но, будучи таковым, капиталистический строй не является концом общественного развития, его завершением. Он не является совершенством ни с моральной, ни с социально-экономической точки зрения. Наоборот, в капитализме, как в фокусе современного социально-экономического режима, собраны все недостатки этого режима, основанного на началах частной собственности, экономической анархии и эксплуатации.

Вот почему современное капиталистическое общество подвергается самой резкой критике М. И. Современный социально-экономический режим, явившись в свое время прогрессивным фактором, чем далее, тем более становится фактором регрессивным, начинает все более задерживать рост производительных сил и развитие материальной и духовной культуры. Эта задержка объясняется тем, что орудия и средства производства находятся в частном произвольном обладании, что сохраняются отсталые, почему-либо приспособившиеся формы хозяйства, объясняется тем, что при неорганизованности народного хозяйства затруднения в сбыте тормозят прогресс производства и вызывают кризисы тем, что, опираясь на наемный труд, современный режим убивает в массах стимулы к повышению производительности труда, объясняется тем, что, сосредоточив богатства в руках немногих, капитализм приводит к «гибели талантов», которые появляются и не могут не появляться среди неимущих масс, но погибают среди нищеты и мрака этих масс³⁵.

Современный социально-экономический режим, создавая массу ненужных трений и растрату общественных сил, далек от совершенства. Но мы видели, что он располагает всеми данными, чтобы несмотря на это существовать, чтобы несмотря на это развиваться.

Естественной смертью он умереть не может, — «ему может быть нанесен смертельный удар лишь мыслью и волей человека»³⁶. И такой удар должен быть и будет нанесен, ибо в капитализме есть основной и органически-глубокий порок противоречия. Это противоречие в том, что капитализм, обращая человеческую личность в средство, в раба вещей, в то же время ведет к распространению и укреплению общественно-морального сознания, **признающего личность верховной ценностью общественной жизни**³⁷. На почве этого глубочайшего противоречия неминуемо должно возрасть массовое недовольство и разочарование в настоящем и устремление в будущее к социальному идеалу, должна возрасть организация и организованное сознательное стремление изменить настоящее во имя будущего.

Такие попытки, такие стремления мы в действительности и наблюдаем. Мы наблюдаем их в форме борьбы униженных и обездоленных масс и

³⁵ «Социализм как положит[ельное] учен[ие]», гл. X.

³⁶ «Георетическ[ие] основы марксизма», стр. 195.

³⁷ Там же, стр. 194.

передовых людей общества за лучшее будущее. Это – профессиональное движение пролетариата, это – политическая борьба, это – кооперативное движение.

Кооперативное движение в особенности останавливало на себе внимание М. И., и его работы по вопросам кооперации, несомненно, нужно признать выдающимися, лучшими не только у нас в России. Кооперация зарождается в недрах товарно-капиталистического общества. Она ставит своей задачей защиту интересов объединяемых ею трудящихся масс. Она борется за эти интересы теми же методами, теми же средствами, какими борется и любое хозяйственное предприятие, – методами конкуренции. В этом смысле она плоть от плоти современного строя. Кооператив – хозяйственное предприятие. И тем не менее душа кооперации устремлена в будущее, к лучшему, к идеальному. Кооперативы в основе и массе своей не капиталистические хозяйственные предприятия, они не имеют в виду получение наибольшей прибыли. Они стремятся лишь охранять трудовой доход своих членов, они опираются в основе не на эксплуатацию, а на объединение трудящихся. Отсюда вытекает определение кооператива: «кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов своих членов или уменьшение их расходов на потребительные нужды»³⁸. Реальное кооперативное движение – движение классовое. По характеру защищаемых им классовых интересов оно может быть разделено на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное. Но именно потому, что кооперация есть сознательное и свободное объединение трудящихся масс на почве их борьбы за свои интересы в виде организованного протеста против попрания этих интересов современным строем, кооперативное движение в основе своей проникнуто известным воодушевлением и идеализмом, являясь мощной струей современного общественного идеализма в целом и, в конечном счете, преодолевая замкнуто-узкий круг классовых интересов, на базе которых оно зарождается.

Какой же общественный идеал должен быть руководящим светочем, корректирующим наш путь в кооперативной и вообще в социальной борьбе за будущее? Первоначально М. И. был склонен признавать за социальный идеал – идеал социалистический, и в основу социалистического идеала он клал идею социального равенства. Это было в период, когда он еще был весьма близок к марксизму и только начинал отходить от него. Правда, и тогда уже М. И. понимал социализм гораздо более утонченно, чем марксизм чистой воды; и тогда уже он был проникнут идеями о необходимости этического обоснования социализма, и такое обоснование он

³⁸ См. «Социальные основы кооперации», изд. 2. См. «К лучшему будущему», отд. II.

строил на идее равноценности человеческой личности; и тогда он уже понимал социализм как синтез коллективизма и индивидуализма и чувствовал родство с идеалистическими мотивами утопического социализма³⁹. Но с течением времени, в последние годы жизни, уклон М. И. в сторону идеализма и религиозно-нравственного понимания задач общественной жизни усилился. Самый идеал для него стал определенно абсолютной ценностью. «Идеал, – полагает М. И., – есть верховная ценность, но выше которой ничего нет и быть не может»⁴⁰.

Но если это так, то и в обосновании и аргументации идеала, очевидно, необходимо ориентироваться на какой-то также абсолютной исходной ценности. И такой ценностью М. И. все более отчетливо склонен был признавать человеческую личность. С точки зрения этой **верховой идеи ценности человеческой личности** М. И. в конце своей жизни решительно склонился к мысли, что только *свобода личности*, только общество свободно желающих и действующих людей может быть признано верховным и руководящим социальным идеалом⁴¹. Отсюда ясно, что мы определенно и близко *подошли к идеалу* анархизма в его наиболее высоких и культурных формах.

В связи с этим М. И. подверг пересмотру свое отношение к социализму и кооперации. Социалистическое устройство общества рисуется ему уже более определенно только как прогрессивный этап общественного развития, – этап, который в зависимости от типа своего устройства может более или менее приближать нас к идеалу. Следовательно, само социалистическое общество уже определенно не идеал, а подвергается оценке с точки зрения абсолютного идеала. М. И. делит социализм на ряд видов:

А. Социализм в узком смысле:	В. Коммунизм:
1) Государствен[ный] социализм.	1) Государствен[ный] коммунизм.
2) Коммунальн[ый] социализм.	2) Коммунальн[ый] коммунизм.
3) Синдикальн[ый] социализм.	3) Анархическ[ий] коммунизм.
4) Анархический социализм.	

Какой из этих типов социалистического общества нужно признать желательным и в то же время возможным для осуществления? Ни один в частности и каждый в сочетании с другими соответственно с уровнем развития личности.

Разные виды социализма предполагают разную систему централизации и принуждения по отношению к личности, разную возможность организовать хозяйство. И если конечным этапом развития является идеал абсолютной свободы, то конкретное социалистическое общество должно строиться в соответствии с тем, как высок данный уровень культуры, как

³⁹ См. «Современный социализм», 1906. См. также «Очерки из новейшей истории политическ[ой] экономики и социализма». Изд. 5, стр. 67 и сл.

⁴⁰ См. О кооперативном идеале. Статья в «Вестнике Кооперативных Союзов», вып. 1, стр. 6.

⁴¹ См. «Социализм как положительное учение», гл. VIII–X–XI.

высоко развитие личности. Конкретное устройство социалистического общества должно дать максимум свободы для творчества личности, но так, чтобы это не превысило силы и способности личности воспользоваться на благо этой свободой, так, чтобы это не повело к распаду общества, не привело к деградации его производственных сил и культуры. Поэтому конкретное социалистическое общество по своему устройству неизбежно будет сложным и в разных своих частях должно быть организовано по различным типам социализма. Несомненно однако, что в первую очередь и в основу социалистического общества ляжет централистический коллективизм, как наиболее соответствующая достигнутому уровню культуры система, и главнейшая организующая роль при нем падет на государство, правда, преображенное, правда, лишенное миазмов современного строя⁴².

В каком отношении стоит и должна стоять к социальному идеалу кооперация? Первоначально М. И. склонен был рассматривать кооперацию просто как путь к социализму. Но позднее, в связи с отмеченной эволюцией его к анархизму он существенно изменил свою точку зрения и решительно признал, что кооперация не просто путь к социализму. Нет, она кладет основание для социализма самого высшего типа, – для анархического социализма, – и в этом смысле кооперативная организация общества стоит значительно выше организации его по типу централистического коллективизма. Централистический коллективизм, уничтожая эксплуатацию и неравенство современного строя, все же предполагает принуждение, – пусть принуждение большинства над меньшинством, но все же принуждение. Кооперативная организация не имеет в себе и этого принуждения, ибо всякий, не желающий мириться с мнением большинства, может свободно выйти из кооператива. Итак, кооперация в недрах своих несет одну из высших форм социализма, приближает нас значительно к идеалу свободного общества. Это, правда, не относится к тем видам кооперативов, которые основаны на наемном труде. Но такие кооперативы не могут и найти себе места в социалистическом обществе. Что касается других видов кооперативных организаций, то о них нужно сказать существенно иное. Если социалистическое общество первое время будет организовано в основе своей по типу централистического коллективизма, если значительнейшие отрасли труда будут организованы все же на началах принуждения, – правда, не частных лиц, а государства, – то необходимо оставить простор и для свободного кооперированного труда, необходимо оставить простор для трудовых производительных артелей в промышленности и для земледельческих кооперативных общин, обязанных доставлять государству лишь установленное им количество продуктов и получающих в свое распоряжение остальную часть продукта.

⁴² См. «Социализм как положительное учение», гл. VIII.

Мы не будем входить в подробности возможной организации социалистического общества, как оно рисуется М. И. Заметим лишь одно. Может показаться, что современная русская действительность является злой иронией над предсмертными идеями М. И., над его верой в социальный идеал и верой в социализм, как ближайший этап к нему. Но это мнение было бы ошибочно. М. И. приветствовал социализм в силу его прогрессивного значения, в силу того, что он приближает нас к высокому общественному идеалу общества свободных людей. Но он горячо предостерегал от злоупотребления социализмом. Если для социализма нет необходимых предпосылок, если эгоистическая мотивация человеческого поведения и труда не успела заместиться мотивацией, основанной на чувствах солидарности, долга и склонности к труду⁴³, то социализм, – думал он, – приведет не к свободе, а к произволу, не к благополучию, а к нищете, не приблизит к идеалу, а отдалит от него. Это мы и наблюдаем теперь у нас.

Правильно же понятый и осуществленный в соответствующей обстановке социализм ведет, – верит М. И., – не к порабощению личности, не к царству «сытых людей» и мешанства, не к подавлению духовной культуры, а к расцвету личности, к обогащению и развитию духовной и материальной культуры⁴⁴. Но даже и такой социализм, – полагает М. И., – никогда не создаст «рая на земле», всеобщее счастье, довольство. Никогда, потому что вечно страдание наше, потому что неустранимы источники нашей скорби. Страдание и скорбь могут изменить свою форму, стать возвышеннее и чище, но они останутся, останется личность в ее томлении по идеалу.

«В этом – вечная основа религии», – говорит М. И. на последней странице одной из последних предсмертных работ⁴⁵.

Красной нитью ч[е]рез все мировоззрение М. И. проходит его идеализм, в основе которого лежит идеал верховной ценности человеческой личности. Теперь мы видим, что идеализм М. И. имеет еще более глубокие религиозные источники. И он сам прекрасно сознавал, что идея верховной ценности человеческой личности неизбежно приводит с одной стороны к идее человечества, с другой – к идее Бога⁴⁶.

Так замыкается круг учений М. И. Мы начали систематический анализ его научно-идеологического мировоззрения с наиболее отвлеченных и далеких от практической жизни и морали проблем метода. И там мы столкнулись с нравственным принципом верховной ценности человеческой личности. Пройдя ч[е]рез ряд важнейших научных построений М. И., мы последовательно подошли к его учению о социальном идеале, в основе которого вырисовывается во всей своей яркости та же нравствен-

⁴³ Там же, стр. 121 и след.

⁴⁴ Там же, гл. X и XI.

⁴⁵ Там же, стр. 133.

⁴⁶ См. «Три великих этических проблемы» (Нравственное мировоззрение Достоевского) в сборнике «К лучшему будущему».

ная идея, которая, замыкая круг других идей и учений, в то же время повелительно указывает пути к глубинам религиозного сознания человека, этого наиболее интимного и мощного источника нашей жизненной силы и веры. В этой области, в области нравственно-религиозных и идеалистических воззрений своих М. И. оказывается под обаянием идей Канта и Достоевского. Вместе с ними из глубин своего нравственно-религиозного сознания он выдвигает идею личности и свободы, как руководящий принцип социального идеализма. И нам кажется, что в основе своей, независимо от путей обоснования, М. И. стоял здесь на правильном пути. Поскольку спорной казалась нам необходимость вводить этическое начало в области теоретических изысканий, постольку несомненным представляется, что только идеал абсолютный, только идеал, открывающий перспективу бесконечного развития и имеющий в основе своей идею личности и человечества, в состоянии дать нам надлежащий критерий и служить настоящей путеводной звездой в творчестве всегда временных и преходящих форм общественной жизни. В основе своей здесь М. И., несомненно, стоял на правильном пути. Правильным представляется нам и самый метод подхода его к расценке социалистического строя как возможной ступени общественного развития. Только под условием, что социалистический строй приближает нас к идеалу общества свободных людей, только в той форме, в какой он действительно и наиболее приближает нас к этому идеалу, М. И. принимает и морально оправдывает социализм. Но у нас дальше возникают сомнения и вопросы М. И. исходит из глубокой веры, что социализм действительно в состоянии приблизить нас к этому идеалу. Может быть, это и так. Но на чем основана эта вера? На чем основана вера, что социализм органически может и в состоянии привести к расцвету и большему высвобождению личности, к обогащению духовной и материальной культуры? На чем основана вера, что социализм, в особенности централистический, органически не враждебен личной свободе, личному праву? Вот вопрос, который надлежало бы подвергнуть анализу, – вопрос, который ходом современных событий выдвигается с чрезвычайной остротой. Вот вопрос, мимо которого прошел М. И. Задача грядущего поколения – разрешить его.

* * *

Мы закончили анализ основных научно-идеологических воззрений М. И. И мы убедились, что воззрения эти выросли не только на почве воздействия окружающей, современной М. И. общественной среды, но и на почве воздействия на него научно-идеологических построений прошлых времен. Учения Маркса и Рикардо, австрийской школы и школы Виндельбанда – Риккерта, идеи Канта и Достоевского являются в этом отношении определяющими. Меньшее и частичное значение имеют идеи Кенэ, Уорда, Фулье и другие. Но М. И. не был односторонним последователем, учеником какого-либо из упомянутых учений. Из них он исходил. Но как

творческий ум и талант он стремился идти⁴⁷, – и действительно шел, – вперед, через них, дальше их, привнося многое свое. Этим и обуславливается то видное место, которое М. И. должен занять в истории развития общественных наук и особенно в истории русской общественной мысли.

В обоснование последнего положения нам хотелось бы привести прежде всего следующее. В научно-идеологических построениях М. И. много спорного, много неоригинального. Но наряду с этим в них есть немало идей и построений, которые уже усвоены или будут, с теми или иными модификациями, усвоены научно-идеологической общественной мыслью. Сюда относятся его исследования в области теории рынков и кризисов, в области развития капитализма и теории распределения, сюда относятся его исследования о социализме и кооперации. Многие из этих идей не только надолго переживут его у нас в России, но и на Западе.

Последняя мысль позволяет нам подойти к оценке значения М. И. еще и с другой стороны. Нам хотелось бы решительно и определенно подчеркнуть значение его **как русского ученого в области экономической теории**. Западная мысль не в пример с другими отраслями науки и культуры не считалась с развитием экономической теории в России. Можно смело утверждать, что М. И. в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьезно прислушаться к движению ее на востоке Европы, в России. Мы это видели выше, и это увеличивает национальное значение М. И. Он стал не только в уровень с эпохой, не только в уровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он мог содействовать прогрессу ее, и в силу этого он больше чем кто-либо способствовал тому, чтобы поставить русскую экономическую науку в ряд с европейскими. Мощь нации определяется в различных отраслях жизни далеко не только и даже не столько ее физическими силами, но в значительной мере ее духовными силами. С этой точки зрения М. И. является симптомом нарастающей мощи русской экономической мысли и фактором ее. Если Россия уже дала миру так много в области искусства, музыки и художественной литературы, то в области науки и, в частности, экономической науки она почти еще только выступает на историческую сцену, и ей предстоит дать многое.

Национальное значение М. И. впрочем определяется не только этим. Оно определяется также тем, что в самом изучении и анализе различных даже самых общих вопросов мы находим у М. И. черты, особенно близкие нам, русским. Анализируя проблемы, даже в их общих основах, он сплошь и рядом оттеняет те особенности, которые приобретают эти проблемы в условиях русской действительности, он ориентирует их и на материале русской жизни. Сюда относится и его учение о развитии капитализма и о судьбах мелкой докапиталистической промышленности, сюда

⁴⁷ См. «Кант и Маркс», статья в сборнике «К лучшему будущему».

относится его учение о мелком трудовом и крупно-капиталистическом сельском хозяйстве, о кооперации и социализме. М. И. был чужд духа национальной замкнутости. Горизонт его был шире. Но тем рельефнее обозначается его характер и значение как **русского ученого экономиста**.

Значение М. И. лежит, наконец, в том, что он своим интересом к теоретическим проблемам и к вопросам социального идеала, своими постоянными исканиями и красочными, часто вдохновенными, сочинениями постоянно будил русскую мысль, в особенности мысль молодых поколений. И в этом отношении влияние М. И. было огромно. Он не создал и не мог создать целой «школы»: он был слишком европейски образованный экономист-ученый, чтобы замкнуться в рамках собственной системы (а создание научно-замкнутых систем есть, несомненно, признак младенческого состояния данной отрасли знания), он был слишком интуитивный и развивающийся ум, чтобы застыть на раз принятых идеях. М. И. не создал «школы», но ни одна школа не избежит, – не может избежать, – влияния идей М. И.